

АНТИЧНОЕ ПРЕДАНИЕ О ДОРИЙСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ ¹

Р. В. Шмидт

История Греции на рубеже II и I тысячелетия до н. э. представляет особенно много трудностей для ее изучения. В это время в Греции шел дальнейший процесс развития родо-племенных отношений, образование новых племен, союзов племен, слияние племен в народы, формирование классовых и государственных отношений. Процесс разложения родо-племенных отношений и образование рабовладельческих государств в различных областях Греции протекали не одновременно и в разнообразных формах. И если возникновение Афинского государства, как показал Энгельс, явилось типичным примером образования государства в чистом виде, без воздействия внешнего и внутреннего насилия и непосредственно из родового общества, то в других областях Греции можно наблюдать целый ряд вариантных форм и, в частности, например в Спарте, имели место свои специфические особенности в развитии общества. Вопрос о развитии классовых противоречий в Лаконике, о возникновении Спартанского государства тесно сплетается с вопросом о так называемом дорийском переселении. Вопрос этот весьма сложен и запутан: сравнительно недавно, в 1928 г., Эд. Мейер писал, что «дорийское переселение—еще не разрешенная проблема»². Одним из основных затруднений при решении этой проблемы является то, что свидетельства античных авторов о дорийском переселении связаны в большинстве случаев с мифами и легендарными рассказами о возвращении потомков Геракла—Гераклидов, вместе с дорийцами; найти в этих легендах зерно исторической действительности крайне трудно³.

Дорийское переселение относится традицией к тому времени, когда еще не было письменности, а следовательно, если оно действительно имело

¹ Данная работа является извлечением из моей более обширной работы: «К вопросу о дорийском переселении», о которой я докладывала на заседании ГАИМК 23 марта 1937 г.

² Ed. Meyer—Geschichte des Altertums, II, 1, 1928, S. 570.

³ Большинство исследователей не признают историчности предания. Из новейших исследователей рассматривают предание, как исторический источник: G. Vitalis—Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr d. Herakliden. Dissertation, Griesswald, 1930; F. Mitler—Die dorische Wanderung, «Klio», 1934, S. 56, и целая группа ученых, изучающих вопрос преимущественно на основании археологического материала; см. мою рецензию на работу Th. Cr. Skeat—The Dorians in Archaeology, «Вестник древней истории», I, 1937, стр. 157.

место, о нем могли сохраниться только смутные воспоминания в устной традиции, и, как «всякая минувшая действительность», оно могло оказаться отраженным «в фантастических творениях мифологии». Окончательное решение вопроса о дорийском переселении может быть дано только после всестороннего анализа античной традиции, языковых данных, археологических и сравнительного этнографического материалов.

Настоящая работа не претендует на решение всей сложности проблемы о дорийском переселении, задача работы—поставить вопрос о возможности трактовать античное предание, как отражение исторической действительности.

Античная традиция обычно говорит о дорийском переселении, как о возвращении Гераклидов (*ἡράκλειδος τῶν Ἰρακλειδῶν*) и походе дорийцев (*Δωριέων στόλος*), причем ни у одного автора мы не встречаем цельного, связного рассказа, изложения всего предания, но по большей части имеются только отдельные краткие упоминания о приходе в Пелопоннес дорийцев под предводительством Гераклидов¹.

Эти свидетельства передаются в различных вариантах. Разнообразие вариантов связано с той или иной локальной особенностью предания, с той или иной политической тенденцией; мы имеем, например, такие локальные версии традиции, как спартанская, аргосская, коринфская, мессенская, элидская, аркадская, локридская, фиванская, афинская и др., причем некоторые локальные традиции имеют в свою очередь особые варианты, связанные с теми общественными кругами, которые их сохраняли. Разнообразные версии выступают и в свидетельствах различных античных историков, дающих определенную историческую концепцию. Установить единую цепь традиции, исходящую из одного источника, не удастся. Уже древнейшее упоминание о дорийском переселении у Тиртея (fr. 2) говорит о нем очень кратко, как о событии, всем известном. Множественность вариантов традиции является одним из моментов, указывающих на возможность отражения действительности в легендарных рассказах.

Почти во всех вариантах традиции особенно отчетливо выступают два момента, искусственно соединенные друг с другом: во-первых, легендарный рассказ о походе дорийцев в Пелопоннес; во-вторых, явно вымышленный генеалогический миф о возвращении Гераклидов, утверждающий фантастическую родословную для басилеев, захвативших наследственную власть. Этот миф нужен был для укрепления политической власти басилеев; божественная родословная, тесные родственные узы с божественным предком Гераклом возвеличивали их род, поднимали их авторитет. В этом политически тенденциозном мифе требует реального объяснения только момент прихода родоначальников басилеев. Второй момент— легендарный рассказ о походе племени или части его, о захвате им новой территории—не представляет сам по себе ничего невероятного и фантастического; а priori он может рассматриваться, как народное или первоначально племенное предание, отражающее реальные исторические события². Первичные формы этого племенного предания, быть мо-

¹ Более подробное изложение мифа дано у Диодора, IV, 57, 58; здесь дается описание первого похода; о втором походе, в результате которого была захвачена большая часть Пелопоннеса, Диодор обещает рассказать в другом месте, а именно в VII книге, которая до нас не дошла. См. также Arnold, II, 8.

² Обычно в научной литературе отрицается народный характер предания, указывается на бедность содержания, но это, конечно, недостаточный аргумент. См., например, Ed. Meyer u. a.—Geschichte des Altertums, III Bd. 2 Aufl., 1937, S. 234.

жет, зафиксированы в эпическом варианте традиции, связанном с именем легендарного вождя дорийцев Эгимием перед походом в Пелопоннес¹.

Однако оба момента — генеалогический миф и племенная легенда — так тесно сплетаются в традиции, что четко отделить их друг от друга не всегда представляется возможным.

Попытаемся прежде всего на основании античного предания дать общую картину похода дорийцев, дать основные моменты, из которых складывалось предание, придерживаясь исторической последовательности событий, начиная с исходного пункта похода и кончая приходом дорийцев в Пелопоннес, а затем сопоставим эти моменты с этнографическими данными для выяснения их исторической вероятности. Одним из первых встает вопрос о том, кто такие дорийцы. Термин дорийцы толкуется в античной традиции по-разному. Иногда дорийцы называются племенем или родом (ἔθνος или γένος), вышедшим из Дориды или других более северных областей; иногда племенем, которое носило другое название, македнов (μακεδνοί), и только в Пелопоннесе было названо дорийским (δορικόν) (H e r o d., I, 56; VIII, 43); некоторые считали дорийцев ахейцами, переименованными только свое наименование по прибытии в Пелопоннес (P l a t. — Leg., III, 682 d.). Иногда вместо термина дорийцы употребляются такие выражения, как «предки лакедемонян»². Термин дорийцы выступает и как более широкое наименование для населения большей части Пелопоннеса, Арголиды, Локоники, Мессении, прилегающих островов, Крита, ю.-з. части Малой Азии, сицилийских дорийских колоний и др. Среди всего этого населения сохранились представления о каких-то родственных отношениях между собой (τὸ ξυγγενές, T h u c., VI, 6, 2), оно говорило на дорийском диалекте, правда, имевшем свои особенности в каждом полисе. У большинства из них засвидетельствовано деление на три дорийские филы — динамов, памфилов и гиллеев³; они соблюдали общедорийский праздник Карнейи, во время которого должны были прекращаться военные действия (T h u c., V, 54; X e n. — Hell., IV, 7, 2; VI, 1, 29), и иногда еще говорится о дорийских обычаях, правда, весьма неопределенного характера (T h u c., VI, 4, 3). Итак, термин дорийцы выступает в разных значениях: и как племенной термин, и как более широкое понятие, охватывающее уже целый ряд классовых обществ, отдельных самостоятельных государств, причем согласно античной традиции устанавливается такая последовательность в содержании понятия: сначала мы имеем племенное название для населения небольшой территории в Средней или Северной Греции, в дальнейшем же это наименование начинает распространяться на все более и более широкий круг населения Греции, сохранявшего представление о кровных связях. Следовательно, содержание понятия с течением времени изменялось, исторически развивалось, приобретая новое значение, не соответствующее первому племенному названию, но генетически с ним связанное.

Исходным местом похода дорийцев традиция не всегда называет одну

¹ О существовании эпического варианта см. H e r o d. VI, 52; о поэме «Эгимий» — A t h., XI, 503, d. Ср. P i n d. — Pyth. I, 62; V, 68; S t r a b., IX, 427.

² I s o k r. — Archid., VI, 20. Характерно, что на дорийское происхождение особенно упирали спартанцы, в то время как в других дорийских областях этот момент не выдвигался так сильно.

³ В некоторых случаях количество фил было больше трех, но это были уже новые добавочные филы, быть может, формируемые из местного населения.

и ту же область. Обычно называют Дориду¹, именуя ее иногда метрополией; иногда упоминается Дриопида, которую Геродот отождествляет с Доридой, говоря, что Дорида в древности называлась Дриопидой (H e r o d., VIII, 31). В другом месте Геродот говорит об изгнании дриопов из страны, называемой теперь Доридой (H e r o d., VIII, 43; ср. D i o d. IV, 37; S t r a b., VIII, 373). Дриопы выступают в традиции, как более древнее племя, предшествующее образованию дорийского племени, может быть, как племя пеласгического периода. Геродот (I, 56) устанавливает следующий маршрут передвижения дорийцев, которых он называет *πολυπλάνητον*; сначала он их локализирует в Фтиотиде, затем в Гестиэотиде, затем у Пинда под названием македнов и, наконец, в Дриопиде, откуда они двинулись в Пелопоннес, где и получили название дорийцев. Противоречивы показания источников и в отношении местоположения Дориды; большинство помещает ее в Средней Греции около Парнаса, но есть и свидетельства, локализирующие ее в Фессалии, в Гестиэотиде². Таким образом, традиция наиболее северным пунктом местопребывания дорийцев называет Гестиэотиду в Фессалии, западным—район Пинда и южным—Дориду, откуда они двинулись на Пелопоннес. Поэтому точную географическую локализацию местопребывания дорийского племени на основании античной традиции дать нельзя; указания на другие наименования, например македнов, по видимому, свидетельствуют о процессе формирования племени, быть может,—слияния с другими. Весьма возможно, что дорийское племя занимало более обширную территорию, чем Дорида V в.

Вопрос о причинах передвижения дорийского племени на юг античная традиция почти совсем не освещает: мифологическая мотивировка—возвращение Гераклидов—носит явно искусственный характер. Вопрос о передвижении племен на территории Греции касается Фукидид (I, 2): «В древнейший период страна, называемая Элладой, не была прочно заселена, но в ней происходили переселения, и все легко покидали свою землю, будучи теснимы кем-нибудь другим, всякий раз более многочисленным». Причины легкости передвижения, по мнению Фукидида, лежали в малой развитости земледелия, в отсутствии избытка продуктов и в том, что племена становились более могущественными благодаря плодородию земли, которую они заселяли. «Всегда перемене населения,—говорит Фукидид,—подвергались преимущественно наилучшие земли Эллады, именно области, называемые теперь Фессалией и Беотией, также большая часть Пелопоннеса, кроме Аркадии, и, наконец, все плодороднейшие области остальной Эллады». Помимо экономических причин, Фукидид выдвигает и внутренние социальные моменты, вызвавшие, по его мнению, передвижение племен: «Но если, благодаря плодородию почвы, могущество некоторых племен и возросло, то, порождая внутренние распри, ведшие их к гибели, оно вместе с тем еще скорее вызывало посягательство на себя со стороны иноплеменников». Здесь у Фукидида уже выступают моменты, связанные с зарождением классовых противоречий, которые вызывают распад родовых отношений и усиление межплеменных войн.

¹ T h u c., I, 107; III, 92. Т и р т е й (fr. 1) называет Эрней, который локализуется в Дориде, S t r a b., IX, 427.

² S t r a b. X, 437, 475; S c h. P i n d.—Pyth., I, 121; S t. B y z. s. v. Δορίς. Возможно, что в этих свидетельствах отражаются взгляды Геродота. Некоторыми исследователями устанавливается связь дорийцев с иллирийскими племенами, например: R i d g e w a y—The early age of Greece, v. II, 1931; устанавливается также и лингвистическая связь с иллирийцами, B l u m e n t h a l—«Glotta», XVIII, S. 152.

Общие причины передвижения племен хорошо вскрыты Фукидидом, но они недостаточны для нашего конкретного вопроса о причинах дорийского переселения. Такой причиной могла быть земельная теснота. Область Дориды была малоплодородной страной и при росте населения она не могла всех прокормить, недаром существовал эпитет дорийцев — λιπιδωρείς, «голодные дорийцы»¹.

Для греков ранних периодов большие переселения не были чем-то невероятным; вспомним, как ионянам, после завоевания Ионии Гарпагом, Биант из Приены советовал собраться всем вместе и отплыть в Сардинию, основав там общеоийское государство (H e r o d., I, 170). Также и бесчисленные колонизаторские походы, проходившие в течение VIII—VII—VI вв. до н. э. иногда на весьма далекие расстояния, говорят о большой подвижности греков; многие из этих колоний были основаны, как земледельческие колонии, в результате роста населения и земельной тесноты, вследствие недостаточного развития производительных сил.

Обычно современные историки пытаются объяснить дорийское переселение движением более северных племен, народов или рас, которые, двигаясь на юг, теснили другие племена и заставляли их сниматься с мест, причем дорийцев нередко выводят, вопреки традиции, из далеких северных областей, например Дунайских. В античной традиции применительно к дорийцам эти моменты, за редким исключением (H e r o d., I, 56), почти не выдвигаются, инициатива похода обычно переносится на Гераклидов. Таким образом, если придерживаться традиции, то движение племен на север Греции, например мисян и тевкров (H e r o d., VII, 20), затем фессалийцев из страны феспротов (H e r o d., VII, 176) и других, следует рассматривать, как передвижение племен на сравнительно небольших расстояниях, происходившее в процессе дальнейшего развития родоплеменных отношений и не составлявшее единого переселенческого потока нового народа или новой расы, как это часто конструируют западные ученые. Некоторые античные авторы пытались объяснить возвращение Гераклидов моментами социальными, междоусобиями и изгнаниями, возникшими после возвращения на родину героев Троянской войны (T h u c., I, 12; P l a t.—Leg., III, 682 d.). За этими свидетельствами может также скрываться некоторая доля исторической действительности, так как в период разложения родового строя нарастающие классовые противоречия, противоречия между различными общественными группировками, например между родовой знатью и остальным населением, могли приводить к столкновениям, к изгнаниям и выселениям.

Следует еще отметить, что в античной традиции дорийское переселение, в сущности говоря, никогда не рассматривалось как большое переселение, но трактовалось, скорее, как военный поход (στράτος) дорийцев под предводительством Гераклидов; повидимому, оно мыслилось даже как поход только части племени, а не всего племени, так как Дорида и впоследствии оставалась дорийской. Правда, диалект классической Дориды неизвестен, но родственные связи дорийцев, в частности спартанцев, с Доридой сохранялись. Еще в V в. до н. э. лакедемоняне оказывали помощь дорийцам в Дориде, которую они считали своей метрополией, они помогали им в борьбе против фокидцев, а также против этеян (T h u c., I, 107; III, 92).

¹ P l a t.—Prov., I, 34. См. о вынужденной эмиграции в результате роста населения Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

Тот факт, что лакедемоняне считали своей метрополией маленькую, незначительную, ничем не замечательную Дориду, является одним из моментов, подтверждающих историчность предания. Искусственно создавать легенду о происхождении из Дориды не имело никакого, ни экономического, ни политического, ни идеологического, смысла. Происхождение из Дориды не могло ни поднять авторитет лакедемонян, ни придать им славы, а между тем, они гордились этим происхождением. Против историчности дорийского переселения обычно выдвигается еще то положение, что из столь маленькой области, как Дорида, не могло выйти большое племя, которое завоевало и заселило большую часть Пелопоннеса. Но, во-первых, как уже говорилось выше, дорийцы, быть может, занимали более обширную территорию, чем Дорида V в., или Дорида являлась только последним местопребыванием дорийцев перед их походом в Пелопоннес; во-вторых, количество участников похода могло быть не столь значительно, представление о сравнительно незначительном отряде дорийцев сохранилось и в предании. Так, Исократ говорит только о 2 000 человек, участвовавших в походе (*I s o k r.—Panath.* (XII), 255), но эта цифра, конечно, слишком ничтожна. К. О. Мюллер¹ считал, что дорийцев во время похода было около 20 000, на основании того, что ко времени греко-персидских войн в Спарте было около 8 000 дорийцев, в Аргосе около 6 000, в других же дорийских городах их было еще меньше. Конечно, эта цифра довольно произвольная, но во всяком случае те данные, которыми мы располагаем, например для Спарты, действительно показывают наличие небольшого количества полноправных граждан, именующих себя потомками дорийцев по отношению к остальному бесправному и порабощенному населению.

Расстояние, отделяющее Дориду от Спарты, одного из конечных пунктов похода дорийцев, равняется не более 200—250 километрам; расстояние, в сущности говоря, ничтожное, которое можно пройти в несколько дней. И этот момент в свою очередь показывает, что поход дорийцев, как он представлен в античной традиции, не есть длительное переселение целого народа, а является скорее естественным расселением племени, быть может, в форме похода военной дружины. Указание в предании на ряд попыток проведения похода, может быть, указывает на то, что переселение протекало не как единовременный акт, но как длительный процесс, состоявший из нескольких походов, происходивших в течение долгого времени.

Относительно маршрута следования дорийцев в Пелопоннес античная традиция дает следующие пути: через Истм, путь, который, согласно преданию, не был осуществлен до конца благодаря сопротивлению пелопоннесцев²; другой путь—через Навпакт (*P a u s.*, V, 3, 5; X, 38, 10; *P o l y b.*, XII, 12); еще на один, морской путь, хотя он и не дан непосредственно в предании, указывают свидетельства о захвате прибрежного Солигея, откуда велось наступление на Коринф (*T h u c.*, IV, 42; морской путь особенно защищает *M i l t n e r*, ук. соч.), и Темения, откуда велась осада Аргоса (*P a u s.*, II, 38, 1).

Путь через Истм и морской путь наиболее приемлемы для захвата Арголиды. Путь же через Навпакт вел в Лаконику. Некоторые исследователи высказывают предположение, что захват Лаконики проходил через Арголиду, после ее завоевания, но об этом традиция умалчивает.

¹ К. О. М ü l l e r—*Die Dorier*, I, 1842.

² Об этом походе говорится, например, в аркадском варианте традиции.

Дальнейший маршрут следования дорийцев в самом Пелопоннесе весьма неясен. Согласно элидской версии традиции (Paus., V, 3, 5), дорийцы прошли через Аркадию, но никаких других, более ясных и подробных, сведений мы не имеем.

Таким образом, вопрос о детальном маршруте похода дорийцев, если придерживаться античной традиции, остается открытым. Здесь можно только выдвигать более или менее правдоподобные предположения без достаточного их обоснования. Появление дорийцев в Пелопоннесе, по преданию, ознаменовалось прежде всего разделом завоеванной страны на три части между Гераклидами и учреждением трех полисов—Аргоса, Мессены и Лакедемона (Plat.—Leg., III, 683 d.). Рассказ, в котором представлены и бросание жребия при разделе страны и обман со стороны Кресфонта, желавшего получить Мессению, носит явно вымышленный характер и относится к мифу о Гераклидах, оставляя совершенно в стороне дорийцев.

Вопрос о том, как был проведен захват областей дорийцами, следует рассматривать для каждой области в отдельности, так как, по всей вероятности, завоевание происходило не одновременно и, как свидетельствует традиция, в разных формах.

Для Арголиты античная традиция называет различные пункты, откуда шло наступление дорийцев, причем первоначально, по преданию, был захвачен Аргос, а затем уже из Аргоса были захвачены и другие города; в некоторых случаях указывается на слияние дорийцев с местными элементами, на постепенную доризацию населения¹. Косвенным указанием на включение в состав гражданства местного населения служат данные, говорящие о наличии наряду с дорийскими филами еще других фил². Также и в отношении Мессении предание говорит о первоначально мирных взаимоотношениях между дорийцами и местным населением, о предоставлении местному населению одинаковых прав с дорийцами и только уже о последующем обособлении дорийцев в одном полисе в Стеникларе (Stgab., VIII, 361; Nic. Dam., fr. 33). Но при разборе традиции о Мессении следует помнить, что наши источники особенно ненадежны; многие легенды о ней создавались задним числом, в тот период, когда Мессения была восстановлена Эпаминондом и когда, с одной стороны, мессенцы старались возродить, а иногда и создать заново древнее предание о былой самостоятельности Мессении, а с другой стороны—спартанцы старались создать такие легенды, которые обосновали бы их притязания на Мессению, так что вопрос о доризации Мессении требует специального разбора. Некоторые, например, высказывают предположения, что доризация Мессении произошла после завоевания ее спартанцами.

Относительно прихода дорийцев в Лаконию сведения в античной традиции весьма скудны; в предании не говорится подробно ни о том, каким путем шли дорийцы, ни о том, каким образом они утвердились в Спарте. Мы знаем только, что город Спарта был образован не путем синойкизма нескольких городов или поселений, разбросанных по всей области, как это было, например, в Аттике, но из селений, х_оμ_α_ι, находящихся в близком расстоянии друг от друга (Thuc., I, 10, 2). Кроме того, археологические данные говорят нам о том, что на месте Спарты не

¹ Paus., II, 13; 30, 10; 29, 5; 6, 7; см. также доризацию Кинурии—Herod. VIII, 73; Miltner, ук. соч., стр. 59 сл., считает, что дорийцы вступали в договорные отношения с ахейцами.

² Miltner, там же.

было какого-либо значительного микенского поселения и что она была основана в X—IX вв. до н. э.¹

Нет почти никаких сведений в предании и о самой первоначальной борьбе местного населения с дорийцами. Правда, быть может, следы разрушения и пожара в поселении позднемикенского периода на возвышенности Терапны, близ святилища Менелайон, были результатом вторжения дорийцев², но это только предположение, которое пока нельзя обосновать какими-либо другими данными.

Эфор (S t r a b., VIII, 364) говорит о первоначальном разделе Лаконии на шесть частей с установлением в ней власти басилеев и о первоначальном равноправном положении всего населения Лаконии. Хотя большинство считает это свидетельство искусственным построением Эфора, не имеющим отношения к исторической действительности, все же, быть может, частично здесь отражено то состояние Лаконики, когда в Спарте уже утвердились дорийцы, окружающие же города, πτολιεῖρα, не были еще окончательно подчинены. Это состояние Лаконики получило свое отражение и в каталоге кораблей «Илиады» (II, 581), где наряду со Спартой упоминаются, как равноправные, различные другие лаконские города. Завоевание и подчинение Лаконики, по видимому, происходило, как это нам рисует традиция, постепенно в течение нескольких столетий. Предание сохранило рассказы о завоевании ряда ахейских городов, например о завоевании и разрушении города Эги при царе Архелее (P a u s., III, 2, 5), завоевании городов: Амикл, Фариса и Геронтр (P i n d.—Pyth., I, 62; P a u s., III, 12, 9; 2, 6), причем жители Фариса и Геронтра будто бы ушли из страны, жители же Амикл оказывали упорное сопротивление. Сыну Телекла Алкамену приписывалось завоевание города Илоса, с покорением которого связывалось порабощение илотов (P a u s., III, 2, 7; 20, 6). Рассказывает предание и об основании нового города Бэи одним из Гераклидов, который будто бы собрал в этом поселении жителей трех городов (P a u s., III, 22, 11). Первоначально завоевание шло преимущественно по долине реки Еврота, а затем были поставлены в зависимое положение от Спарты и другие окружающие поселения. По вопросу об отношении дорийцев к местному населению, к ахейцам, античная традиция дает самые разнообразные и противоречивые сведения: в одних случаях говорится об изгнании всех ахейцев из страны, о переселении ахейцев в Ионию, в Ахайю (H e r o d. VIII, 73; S t r a b. VIII, 383, 364; I s o k r.—Panath. (XII), 253; P a u s., III, 26; V, 1); в других случаях говорится о порабощении ахейцев, об обращении их в илотов (T h e o p.—Ath., VI, 265); иногда порабощение илотов связывается с завоеванием города Илоса (S t r a b., VIII, 365; P a u s., III, 20, 6).

В некоторых свидетельствах выступают моменты, характеризующие процесс ассимиляции пришлых дорийцев с ахейцами, например в рассказе о Филономе (S t r a b., VIII, 365; N i c. D a m., fr. 30), оказавшем помощь дорийцам; в спартанской культовой легенде о прорицателе Крии и культе Карния (P a u s., III, 13, 3); в свидетельстве Эфора, согласно которому первоначально все население Лаконики пользовалось одинаковыми правами со спартанцами. Имеются указания и на существование в Спарте ахейских родов, например Талфибиадов, глашатаев, которые вели свое происхождение от Талфибия, глашатая Агамемнона (H e r o d.,

¹ D a w k i n s—Excavations at Sparta, 1907. «Annual of British School». XIII.

² D a w k i n s—The Mycenaean City near the Menelaion. «Annual of British School» XVI. П и н д а р (Isthm. I, 36) называл Терапны ахейским поселением.

VIII, 134; VI, 60; P a u s., III, 12, 7). Даже и царские роды, как мы знаем, вели свое происхождение от ахейцев. Геродот приписывал спартанскому царю Клеомену следующие слова: «Не дорянин я, но ахеец» (H e r o d., V, 72). Ахейские связи особенно сильно подчеркивались Спартой в VI в.; в это время Спарта претендует на Агамемнона, переносит его резиденцию из Аргоса в Спарту (P i n d.—P y t h., XI, 32), в это же время происходит торжественный перенос останков Ореста в Спарту (H e r o d., I, 68; P a u s., VII, 1, 8). Здесь мы видим использование и даже изменение в своих интересах древнего предания, стремление в легендарном прошлом придать Спарте большее значение, связав с нею прославленных героев эпических сказаний, и тем самым унижить Аргос, своего соперника и врага.

Таким образом, спартанцы, с одной стороны, стремились связать свою историю с ахейскими героями, и эта связь устанавливалась по линии господствующей верхушки; с другой стороны—основная масса ахейцев считалась либо изгнанной, либо поработанной, либо доризированной; последний момент особенно сильно выступает в преданиях об Аргелиде. Исключают ли эти свидетельства друг друга? Думается, что нет, так как все эти моменты могли иметь место.

Что касается ухода ахейцев, то здесь имеются и лингвистические данные, которые, повидимому, подтверждают историческую вероятность частичного их выселения; я имею в виду установление связи между диалектом, распространенным на Кипре и в Памфилии, с аркадским диалектом, который, в свою очередь, связывается с до-дорийскими элементами языка. Эти связи обычно объясняются тем, что на Кипр и в Памфилию выселялись ахейцы, населявшие до прихода дорийцев Пелопоннес, и что это выселение было вызвано приходом дорийцев.

Особое специфическое положение непосредственных производителей илотов в Спарте, напоминающее положение пенестов в Фессалии, по всей вероятности, говорит о том, что и в Спарте и в Фессалии процесс поработения части населения протекал в условиях завоевания этих областей.

Однако следует заметить, что захват спартанцами господствующего положения в Лаконике и развитие классово дифференциации в Спартанском государстве, превращение основной массы населения в илотов и перизков почти нигде в античной традиции не связывается непосредственно с завоеваниями дорийцев, но в традиции выступают моменты, указывающие, с одной стороны, на длительность этого процесса, с другой стороны—на те внутренние волнения, которые происходили в Спарте в ранний период ее истории, в период образования Спартанского государства. Смутные указания на внутренние волнения имеются у Геродота (I, 65), согласно которому благозаконие в Спарте было установлено только Ликургом; Фукидид (I, 18) говорит, что «сам Лакедемон, после основания его дорьянами, живущими теперь в этой области, очень долго, насколько мы знаем, страдал от внутренних волнений». О внутренних волнениях, о социальной борьбе в Лаконике, в результате которой народ был обращен в перизков, говорит и Исократ в Панафинейской речи (177), также и Эфор (S t r a b. VIII, 365) поработение илотов приписывает Агису, который отнял у окрестного населения права, в результате чего подняли восстание граждане города Илоса, которые были усмирены вооруженной силой и обращены в общественных рабов, в илотов. О внутренних беспорядках перед появлением Ликурга говорит и Плутарх (Лус., II).

Все это свидетельствует против установления непосредственной связи между дорийским походом и социальным строем Спарты, о чем обычно

говорят многие западные ученые. Внешний момент, приход нового племени и завоевание новой территории, связывается многими авторами с представлениями о внутреннем процессе общественного развития, правда, далеко не настолько ясными, чтобы по ним можно было восстановить весь ход исторического развития. Но, во всяком случае, все эти свидетельства говорят о том, что «дорийское переселение» следует рассматривать, как сложный комплекс этнических передвижений и социальных сдвигов, протекавших в процессе образования классового общества и государства.

В отношении датировки дорийского похода античная литературная традиция и вычисления античных хронографов дают самые разнообразные даты; они исходят в большинстве случаев от времени взятия Трои, но и этому событию, как известно, давались различные даты¹. Самая распространенная дата это та, которую дают Фукидид (I, 12) и Эратосфен, а именно 80 г. после Троянской войны, датируемой 1184 г.; следовательно, приход дорийцев по этой хронологии падает на 1104 г.

Исократ и Эфор дают для основания дорийского поселения в Лаконике 1069 г.

Тимей давал более ранние даты: разрушение Трои в 1334 г. и возвращение Гераклидов в 1154/53 г. Таким образом, в основном древние авторы относили приход дорийцев к XII—XI вв.; если же мы обратимся к археологическим данным, то для основания города Спарты устанавливается X в. Несомненно, что данные античных писателей являются произвольными и искусственными и ни в коей мере не могут считаться соответствующими действительности. Вообще, говорить о точной хронологии дорийского похода не представляется возможным; во всяком случае он должен был произойти перед основанием города Спарты, следовательно, примерно, должен был закончиться к X в.

Таковы в общих чертах те основные моменты, из которых складывалось предание о дорийском походе и которые выступают в различных вариантах античной традиции. Все авторы, приводившие легенду, считали ее бесспорным историческим фактом, но для нас, конечно, это еще далеко не достаточно, чтобы всецело присоединиться к их мнению. Карштедт, иронизируя над сторонниками историчности дорийского переселения, писал: «Кто думает, что дорийцы переселились в Пелопоннес, потому что так решили Гекатей и Геродот, на основании исторического метода своего времени, тот должен также признать, что земля в продолжение всего V в. была плоскостью, обтекаемою океаном, так как это утверждает Гекатей»². Карштедт этой в меру остроумной фразой с легкостью отмахивается от довольно солидного багажа античной традиции, распространенной в различных областях Греции. Но вправе ли мы последовать за ним? Ведь были ученые, которые отвергали какую-либо историческую основу для Троянской войны, а между тем, археологические исследования вскрывают за поэтической легендарной оболочкой историческую действительность. Как же мы должны отнестись к легенде о дорийском походе? Превратим ли мы ее в чисто надуманное творение античной мифологии или мы признаем наличие действительных исторических фактов, которые сыграли свою роль в создании этих легенд и получили в них свое фантастическое отражение?

¹ О хронологии дорийского переселения см. Busolt — Griechische Geschichte, Bd. I, S. 259 f.; В е l o c h — Griechische Geschichte, I, 2, S. 195.

² K a r s t e d t — Die Nationalität der Erbauer von Mykenae und Tyrins, «Neue Jahrbücher für klassische Philologie», 1919.

Несомненно, что характерной чертой античной традиции является чрезмерное преувеличение роли переселений в истории общественного развития; легенда о дорийском походе далеко не стоит особняком. Имеется огромное количество различных рассказов о всяческих передвижениях племен, о переселениях, о выселениях, об изгнаниях, о колонизационных движениях и т. д. Несомненно, в целом ряде случаев мы имеем дело с легендами, созданными либо для объяснения наличия того или иного сходного этнического или топонимического названия, либо для объяснения появления новых общественных форм, или же созданными в определенных политических целях.

Но большей частью в античной традиции внешний момент переселения выдвигается на первый план, в то время как остальные весьма существенные моменты общественного развития почти совершенно затушевываются.

На рубеже II—I тысячелетий, в период, к которому обычно относят и дорийское переселение, на территории Греции происходил сложнейший процесс исторического развития, протекавший «среди пестрого хаоса переходных форм». С одной стороны, существовали еще родовые и племенные объединения, происходили расселения родов и племен, сегментация племен, образование союзов племен, создавались предпосылки для образования народностей, а с другой стороны—нарастали сословные и классовые противоречия, формировались классовые общества, государства, и родовые и племенные отношения уступали классовым и государственным.

В буржуазной историографии в отношении терминов «племя», «народ», «нация», «раса» господствует полный хаос. Иногда греки называются народом, иногда нацией, иногда расой. В отношении термина дорийцы также существует большая разногласия: иногда говорят о дорийской расе; особенно злоупотребляют этим термином, как известно, фашистские историки. Иногда говорят о дорийской национальности, иногда—о дорийском народе и т. д.

В нашей советской античной историографии вопросы этногенезиса, вопросы формирования племен, союзов племен, образования народов не получали должного освещения, а между тем, в работах основоположников марксизма-ленинизма процесс образования племен и народов занимает видное место.

Прежде всего следует решительно отвергнуть применение термина «нация» к античным обществам. Также и к понятию «народ» следует подходить, как к исторической категории. Нет надобности вскрывать всю нелепость построения тех историков, которые, например, говорят о греках, как о целом народе, массиве, переселившемся из далекой прародины в Грецию, как о народе, сформировавшемся чуть ли не с неолита. Вспомним, как Н. Я. Марр говорил, что «ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве».

Прежде, чем говорить об образовании народов в Греции, кратко остановимся на вопросе об образовании племен.

Племя не является чем-то застывшим и неподвижным; оно живет и изменяется на разных ступенях общественного развития. В процессе развития племен происходят как бы два момента, которые, в сущности говоря, являются двумя сторонами одного и того же процесса: с одной стороны,

происходит распад племен, с другой стороны—объединение их в союзы племен и слияние их в народы.

В процессе распада племен происходит расселение племен, сегментация племен, образование новых племен. Об этом процессе у американцев-индейцев подробно говорит Морган¹:

«Новые племена, равно как и новые роды, образовывались постоянно путем естественного роста, причем этот процесс значительно ускорялся большим протяжением Американского континента. Процесс этот был весьма прост. Сначала происходил постепенный отлив людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра, не обладавшего большим запасом средств существования. Поскольку это продолжалось из года в год, в некотором отдалении от первоначального местопребывания племени вырастало значительное население. С течением времени интересы и чувства эмигрантов должны были обособиться и, наконец, возникало также различие в языке. За этим следовали разобщение и независимость, хотя территории их и граничили между собою. Так создавалось новое племя. Это—краткое изображение того процесса, путем которого образовались племена американских туземцев, представляющегося вместе с тем процессом всеобщим. Он повторялся из века в век и во вновь занятых, равно как и в старых областях и должен считаться столь же естественным, как и неизбежным результатом родовой организации, а вместе с тем и необходимостью соответствующего состояния».

Энгельс писал, что «новообразование племен и наречий путем распада прежних происходило в Америке еще недавно и вряд ли совсем прекратилось в настоящее время»².

Таким образом, образование новых племен происходило в результате неизбежного развития родовых отношений, путем отлива людей из перенаселенного места, путем сегментации первоначального племени, путем переселения части племени на новую территорию, причем иногда отделившаяся часть племени обосновывалась в непосредственном соседстве от своего исконного племени, иногда же на более или менее значительном расстоянии. Обособление шло также и по линии языка, вырабатывались новые диалектические различия, и одновременно с обособлением происходило объединение отделившихся племен в союз племен в целях взаимной защиты.

На территории Греции в период родового строя и его разложения процесс развития племен и образования новых, повидимому, протекал в более или менее аналогичных формах; здесь также должны были происходить расселения племен, сегментация их и образование новых племен. С другой стороны, процесс объединения племен происходил по двум путям: и как слияние и скрещение племен и как образование союзов племен.

Так, Энгельс указывает на слияние двух ослабевших племен в одно, причем иногда во вновь образовавшемся племени сохраняются два наречия (ук. соч., стр. 115).

На слияние и скрещение племен большое внимание обращал и Н. Я. Марр; в связи с вопросами скрещения языков он указывал на неизбежность скрещения языков, «процесса, столь же необходимого вначале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выра-

¹ «Дома и домашняя жизнь американских туземцев». Л. 1934, стр. 16.

² Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1933, стр. 115.

ботки новых, более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов»¹. «Различные виды языков возникают от скрещения различных племен,—говорит Н. Я. Марр.—Самое зарождение человеческой речи имеет предпосылкой скрещение различных племенных видов»².

В другом случае при образовании союзов племен слияние их не происходит, племена остаются самостоятельными, но основой союза является, как, например, у американских племен, родственность объединяемых племен по крови, общность языка, организация союзного совета и выделение двух военачальников (Энгельс, ук. соч., стр. 118).

Об образовании союзов племен Энгельс (ук. соч., стр. 117) говорит следующее:

«Дальше соединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство.

Союзы между родственными племенами заключались местами под воздействием требований момента и с устранением опасности распадались. Но в отдельных местностях первоначально родственные племена, разобщенные друг от друга, вновь сплачивались в длительные союзы и, таким образом, делали первый шаг к образованию народа. В Соединенных штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов.

Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссиссиппи, где они, вероятно, составляли ветвь большой семьи дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорке, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могаук.

Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили селами, большей частью окруженными частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек, каждое из пяти племен имело несколько общих родов; они говорили на родственных наречиях одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами. Так как область эта была вновь завоевана, то естественным являлось и сплочение этих племен против вытесненных ими. Это соединение, самое позднее в начале XV столетия, превратилось в формальный «вечный союз», федерацию, которая в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и, на вершине своего могущества около 1675 г., завоевала кругом значительные пространства, часть истребив, часть обложив данью их население».

И несколько ниже Энгельс (стр. 119) делает следующее заключение: «Мы видим у североамериканских индейцев, как первоначально единое племя постепенно распространяется по всему материку; как племена, разветвляясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяется язык, пока не только становятся непонятными один для другого, но и утрачивают почти всякий след первоначального единства».

Образование союза племен у ирокезов хотя и относится еще к материнскому роду, к периоду низшей ступени варварства, но включает целый ряд моментов, которые выступают и в традиции о дорийцах.

-Здесь мы имеем развитие межплеменных войн, ослаблявших племена, передвижение племен и оседание их на сравнительно большом расстоянии

¹ Н. Я. Марр—Яфетиды. Избранные работы, т. I, Л. 1933, стр. 131.

² Н. Я. Марр—Избранные работы, т. III, стр. 8.

от первоначального места поселения (около 1 000 км, в то время как в Греции значительно меньшее расстояние), небольшой состав пришлого племени, около 20 000 человек (такое же количество, примерно, устанавливается и для дорийцев), распределение захваченной территории между несколькими племенами, создание племенного союза, завоевание значительной окружающей территории, истребление части прежнего населения, обложение оставшихся данью, развитие и изменение языка, образование новых диалектов и, наконец, образование народов.

Вопрос об образовании союзов племен в Греции остается пока еще мало исследованным; повидимому, элементы таких союзов мы имеем в амфикиниях, прежде всего в племенных объединениях, которые продолжали существовать и в более поздние периоды, когда уже развились классовые государственные отношения.

Также и в организации фил можно уловить остатки прежних племенных объединений, и, повидимому, первоначально фила (τὸ φύλον) была племенем, позднее она входит в состав союза племен или других племенных объединений. Фила сохраняется и при образовании народа как общественная и военная организация, принимая в дальнейшем при формировании государства политическое значение в качестве избирательной единицы (ἡ φύλη). И, наконец, в государстве появляется новая территориальная фила в качестве политической единицы, в то время как старая родовая фила сохраняет преимущественно религиозные функции¹.

Филы, которые мы встречаем у дорийцев в количестве трех, с определенными названиями почти во всех дорийских полисах, повидимому, являются остатками племенных объединений, причем это объединение стало настолько слитным, что филы в отдельности нигде не встречаются.

Еще одним косвенным указанием на существование союза племен в Спарте является наличие в Спарте двойной царской власти, которая, повидимому, восходит к двум высшим военачальникам союза племен. Таких двух высших военачальников, обладавших равными полномочиями и равной властью, мы видим, например, в союзе племен у ирокезов (Энгельс, ук. соч., стр. 119).

В качестве примера передвижения племен на средней ступени варварства можно взять ацтеков, о которых говорит Морган².

Передвижение племен, естественная сегментация их, поиски новых удобных мест поселения, незначительное число пришлых ацтеков, использование выгодных природных условий болотистой долины, войны с окружающими племенами, обеспечение господствующего положения над туземными племенами долины, стремление последних к восстаниям и, наконец, отражение всех этих моментов в племенных преданиях—все это находит свои аналоги и в античной традиции о дорийском переселении. Можно привести еще много других примеров, касающихся передвижения племен на стадии родового общества и его разложения. Так, богатый материал дает, например, история германских племен³, но ограничимся приведенными примерами.

¹ См. К. М. Колобова—К вопросу о структуре греческого рода в период образования Афинского государства. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 111 сл.

² Морган—Древнее общество. Л., 1934, стр. 111 сл.

³ Энгельс—К истории древних германцев. Маркс—Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 339 сл.

В связи с поднятыми вопросами встает еще вопрос об образовании народов. Когда, на какой стадии общественного развития мы можем говорить уже о появлении народов?

Энгельс, устанавливая общие экономические условия, которые вели к разложению родового строя, говоря о росте производства и производительности труда, о разделении труда и появлении рабства, о разделении общества на свободных и рабов, а также на богатых и бедных, развивает далее следующие мысли: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и во вне. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже их слияние, а тем самым слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военачальник народа—*rex, basileus, thiudans*—становится необходимым постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не было. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатство соседей подстрекает жадность народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей»¹.

Образование народов, обусловленное экономическим развитием общества и ростом населения, происходит в процессе слияния племен, в период развития военной демократии. «В поэмах Гомера,—говорит Энгельс²,—мы видим, что греческие племена в большинстве случаев уже объединились в небольшие народности (*kleine Völkerschaften*), внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена».

«Отдельные народцы (*Völkchen*) вели бесперывные войны за обладание лучшими земельными участками, а также ради добычи: обращение в рабство военнопленных было уже признанным учреждением».

Таким образом, слияние племен в народности или народцы предшествует еще периоду образования государства; здесь происходит не объединение самостоятельных племен, как это было в союзе племен, но уже более тесное слияние их, причем племена продолжают сохранять еще свое значение, как филы, имея, например, значение в военной организации общества. Общественной организацией вновь образованных народцев становится военная демократия с советом, народным собранием и военачальником. Упомянув о германских племенах, Энгельс также говорит: «У объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как и у греков героической эпохи. То было наиболее развитое общественное устройство, какое вообще могло развиваться при родовом строе; оно явилось образцовым устройством для высшей ступени варварства» (там же, стр. 173).

Следует отметить еще некоторый оттенок в терминологии у Энгельса: он говорит о слиянии племен в маленькие народности (*kleine Völkerschaften*) и народцы (*Völkchen*). Эти термины, повидимому, должны оттенить отличие их от термина народ, который уже в большей степени применим к обществу, стоящему накануне завершения формирования государства, и к сложившимся классовым обществам.

¹ Энгельс—Присхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 193.

² Там же, стр. 128.

Но если расселение племен, разветвление их и, вместе с тем, объединение их в племенные группы, в союзы и, наконец, слияние их в народ являются вполне закономерным явлением, то это еще не значит, что в процессе общественного развития решающую роль играют именно моменты племенных передвижений. Эти внешние моменты, так же как и моменты завоевания, являются не основными движущими силами развития общества, но только конкретными историческими условиями, которые могут быть, а могут и не быть. Но в нашем конкретном случае, в истории Спарты, повидимому, эти условия, т. е. передвижение племени и завоевание новой территории,—действительно имели место.

Итак, можно предположить, что легенда о дорийском походе не является чисто надуманной и что «минувшая действительность оказалась отраженной в фантастических творениях мифологии».

Конечно, нет возможности и нет надобности считать, что античное предание сохранило все детали передвижения племени. Несомненно, большую часть в легендарных рассказах следует отнести за счет фантастического мифологического творчества, но основной остов, основное ядро легенды, повидимому, содержит зерно исторической действительности.

